

Научная статья

Научная специальность

5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки»

УДК 347.122

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.3.55>

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ МОДЕЛЕЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

© Михайлов И. Н., 2025

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Рассмотрены основные теоретико-правовые аспекты института цифровых валют центральных банков, а также концепции правового регулирования обращения цифровых валют центральных банков в Российской Федерации и в зарубежных странах с различными подходами к регламентированию данной сферы правоотношений. В рамках юридической науки исследована научная дискуссия относительно подходов к правовому регулированию оборота цифровых валют. При проведении сравнительно-правового анализа выявлены преимущества и недостатки в данных подходах, а также исследованы классификации, отмечены и проанализированы их характерные особенности с учетом правовых систем иностранных государств. Дополнительно изучены возможности для трансграничного использования цифровых валют центральных банков в контексте действующих санкционных ограничений. Подробно анализируется правовая сущность цифровых валют центральных банков, и в частности цифрового рубля, а также особенности юридической техники нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере внедрения и оборота цифрового рубля. По итогам исследования сделаны выводы о том, что за период с 2014 г. по настоящее время российский законодатель менял направление своей политики в части легализации правового статуса цифровых валют от запретительного характера к нейтральному, при этом до настоящего времени никаких системных решений либо рамочных нормативных правовых актов так и не было принято, вследствие чего цифровые валюты так и продолжают находиться в «серой зоне», порождая тем самым правовую неопределенность в сфере правоприменения. Также сделан вывод о том, что в связи с внедрением цифрового рубля как цифровой валюты Центрального банка России по аналогии с зарубежными юрисдикциями будет проработан вопрос о формировании в России базового цивилистического законодательства, которое позволит создать нормативную основу для рассматриваемых институтов, а также выработать единый подход в части правовой оценки и толкования возникающих в указанной сфере правоотношений.

Ключевые слова: цифровая валюта, криптовалюта, цифровые валюты центральных банков, центральный банк, Банк России, эмиссия, электронные деньги.

LEGAL ANALYSIS OF FOREIGN MODELS OF REGULATION OF THE INSTITUTE OF DIGITAL CURRENCIES OF CENTRAL BANKS

© Mikhailov I. N., 2025

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

The article considers the main theoretical and legal aspects of the institute of digital currencies of central banks, as well as the concepts of legal regulation of the circulation of digital currencies of central banks in the Russian Federation and in foreign countries with different approaches to regulating this area of legal relations. Within the framework of legal science, the scientific discussion regarding approaches to the legal regulation of the circulation of digital currencies was studied. During the comparative legal analysis, the advantages and disadvantages of these approaches were identified, and classifications were studied, their characteristic features were noted and analyzed taking into account the legal systems of foreign states. In addition, the possibilities for the cross-border use of digital currencies of central banks in the context of current sanctions restrictions were studied. The article analyzes in detail the legal essence of digital currencies of central banks, and in particular the digital ruble, as well as the features of the legal technique of regulatory legal acts regulating public relations in the field of implementation and circulation of the digital ruble. Based on the results of the study, it was concluded that over the period from 2014 to the present, the Russian legislator has changed the direction of its policy in terms of legalization of the legal status of digital currencies from a prohibitive nature to a neutral one, while to date no systemic decisions or framework regulatory legal acts have been adopted, as a result of which digital currencies continue to be in the “gray zone”, thereby generating legal uncertainty in the field of law enforcement. It was also concluded that in connection with the introduction of

the digital ruble as the digital currency of the Central Bank of Russia, by analogy with foreign jurisdictions, the issue of forming a basic civilistic legislation in Russia will be worked out, which will create a regulatory framework for the institutions under consideration, as well as develop a unified approach in terms of legal assessment and interpretation of legal relations arising in this area.

Keywords: digital currency, cryptocurrency, central bank digital currencies, central bank, Bank of Russia, emission, electronic money.

Центральным банком Российской Федерации (далее – Банк России), а также аналогичными регуляторами за рубежом неоднократно отмечалось, что удовлетворение растущего спроса участников делового оборота на повышение скорости, удобства и безопасности проведения транзакций при осуществлении операций и сделок с денежными средствами или иным имуществом при одновременном снижении стоимости комиссий и иных транзакционных издержек возможно только с применением концептуально новых и передовых подходов в финансовых технологиях, используемых банками, иными финансовыми организациями, государством, коммерческими компаниями и частными лицами¹.

В качестве одного из финансовых инструментов, одновременно соответствующего современным технологическим стандартам и способного ответить на стоящие перед финансовым рынком вызовы и угрозы на национальном и наднациональном уровнях, выступают цифровые валюты центральных банков (далее – ЦВЦБ).

Между тем, с учетом текущего присутствия в денежном обороте наличных и безналичных денежных средств, возникает вопрос о необходимости создания цифровой валюты центрального банка как еще одного вида денег, который, с одной стороны, имеет свои характерные особенности и, с другой стороны, является частью действующих валютной и финансовой систем, регулируемых посредством правовых норм, составляющих систему финансового законодательства государства.

Однако прежде чем рассматривать цифровые валюты центральных банков в качестве специфической дополнительной формы денег, стоит обратиться непосредственно к определению денег.

Так, в экономической теории выделяется три основных подхода к формированию понятия денег.

В соответствии с материалистической теорией, под деньгами понимается особый вид универсального товара, используемого в качестве

всеобщего эквивалента, посредством которого выражается стоимость всех других товаров. Деньги представляют собой товар, выполняющий функции средства обмена, платежей, измерения стоимости, накопления богатства [10, с. 62]. Данное определение было рассмотрено в трудах К. Маркса. Между тем такой подход неприменим в отношении определения современных форм денег, например кредитных, поскольку они уже не являются равным эквивалентом при соотнесении их с золотом [13, с. 73].

Представители функционального подхода указывают, что деньги – это инструмент, стихийно созданный рыночной экономикой для решения проблем товарного хозяйства либо обмена, предлагая следующее определение: «Деньги – это любой предмет, который продавцы обычно принимают в обмен на свои товары или услуги» [9, с. 258]. В рамках этого подхода сущность денег определяется исключительно их функциями.

Также выделяется конвенциональный подход, согласно которому деньги – это созданный людьми институт, упорядочивающий отношения между субъектами экономики и уменьшающий транзакционные издержки. В этом подходе упор делается на то, что деньги являются некой условностью, которая принята в определенном социуме для решения вопросов товарообмена [3, с. 73].

С учетом представленных определений можно сделать вывод, что с экономической точки зрения деньги – это инструмент, выступающий: 1) средством обращения; 2) средством платежа; 3) формой накопления; 4) мерой стоимости [11, с. 184].

Далее возникает следующий вопрос: как экономическая категория «деньги» обретает некое правовое содержание? В данном случае связь заключается в том, что деньги могут выполнять *юридическую функцию, а именно являться законным средством платежа.*

Исходя из того, что деньги выполняют вышеуказанную юридическую функцию, они (деньги) как универсальное и удобное средство обмена для неэквивалентных и по своей природе неодинаковых товаров, работ и услуг

¹ URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 20.04.2025).

используются в гражданском обороте, в связи с чем становятся одним из объектов гражданских прав.

Теперь стоит обратиться к понятию «валюта». В экономической науке существует следующее понимание данной категории: «Валюта (от итал. *valuta* – стоимость) – 1) денежная единица страны (национальная валюта), используемая в данном государстве. Например, российская валюта – рубль, французская – франк; 2) денежные знаки иностранных государств, кредитные и платежные документы в виде векселей, чеков, банкнот, используемые в международных расчетах, – иностранная валюта» [10, с. 35].

Право дополняет теорию денег одним важным элементом. В юридическом смысле деньгами и, соответственно, национальной валютой могут быть только те денежные знаки, которые эмитируются государством [2, с. 269].

Между тем, с учетом объективно существующего института криптовалют как в экономическом, финансовом, так и в правовом поле, в рамках вышеуказанных экономических подходов к пониманию сущности денег неизбежно возникает вопрос об абсолютном характере права государства на эмиссию денег.

Данная монополия государства с правовой точки зрения рассматривается как один из важнейших признаков суверенного государства, независимость которого состоит в том числе из возможности формирования национальной финансовой системы и проведения соответствующей денежно-кредитной политики.

Указанный подход в юридической науке впервые комплексно был рассмотрен в 1576 г. знаменитым французским философом Жаном Боденом в произведении «Шесть книг о государстве (*Six books of the Commonwealth*)». В данном исследовании автор при рассмотрении феномена государственного суверенитета отмечал важность права государства на монопольное создание собственных единых денег [16, с. 137].

Между тем такая позиция на протяжении истории не была доминирующей.

В качестве противоположного примера стоит привести состояние феодальной раздробленности, через которое в то или иное время проходило большинство государств. В данном случае король/государь хоть и был формально главным, однако не обладал монопольным правом эмиссии денежных средств, разделяя данный функционал со своими вассалами [7, с. 351], что создавало ситуацию, когда фактически на территории одного государства в денежном

обороте находится несколько видов валют, с правовой точки зрения являющихся равноценными.

В последующем при проведении различных феодальных войн и в междоусобицах более сильные поглощали более слабых и расширяли сферу обращения своей монеты, пока наконец один доминирующий феодал не распространял юрисдикцию своей монеты на все государство, что неизбежно порождало появление одной-единственной официальной денежной единицы [1, с. 289].

Стоит также отметить, что в период завершения феодальной раздробленности и перехода к централизованной власти создание нового типа денежных средств было продиктовано острой необходимостью государства хоть как-то восполнить образовавшийся вследствие затяжных войн дефицит бюджета, который крайне важен при построении будущей масштабной системы государственного управления [14, с. 143].

В этой связи государство различными способами, чаще – путем повышения налогов, введения принудительных займов, пополняло государственный бюджет, однако взамен предоставляло своим подданным расписки о займе денег, которые в последующем законодательно объявлялись такими же деньгами, как и изъятые монеты. Ценность указанных расписок заключалась в том, что в них как бы содержалось «обещание, обязательство» равенства металлическим деньгам, гарантируемое государством, ставшее прототипом фиатной валюты, ценность которой заключается в юридически установленной обязанности для государства обеспечивать возможность обмена указанных «знаков» на иные товары.

В XX – начале XXI в. данное «уравнение» неизбежно стало нарушаться государствами, поскольку объективно существующие объемы денег не могли удовлетворять значительно возросшему спросу на деньги вследствие войн, различных стихийных бедствий и экономических кризисов, что неизбежно начинает приводить к их неконтрольному выпуску, тем самым нивелируя способность выступать эквивалентом при осуществлении платежей из-за потери стоимости. Потеря государственным деньгами своей платежной функции неизбежно порождает частные деньги в качестве объективной альтернативы для стабилизации товарообменных отношений [15, с. 4], одновременно подрывая при этом суверенитет государств в части их монополии на эмиссию.

Помимо этого, феномен частных денег в высокотехнологичную эпоху в отличие от периода феодализма характеризуется возможностью упрощенной эмиссии и масштабного распространения, минимизировав при этом возможность вмешательства государства в эту сферу.

В этой связи в XXI в. наиболее распространенной и универсальной формой частных денег стали криптовалюты, представляющие собой своего рода квинтэссенцию экономической мысли в части децентрализованных финансов.

С учетом подхода Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF), являющейся наиболее авторитетной межправительственной организацией, осуществляющей выработку мировых стандартов в сфере противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, криптовалюта определяется как частная независимая децентрализованная конвертируемая цифровая валюта, основанная на криптографических технологиях и технологиях защиты данных, право владения которой управляется полностью распределенной пиринговой системой журналов учета взаимосвязанных блоков данных (блокчейном), использующей эту же валюту в качестве выплаты компенсации своим членам за поддержку целостности этой системы¹.

С точки зрения классификации, *криптовалюты выступают разновидностью цифровых валют*, выполняют все функции денег за исключением юридической, т. е. не являются законным средством платежа и не обеспечиваются какими-либо государственными обязательствами перед держателями единиц криптовалют.

Таким образом, появление категории «цифровые валюты» в первую очередь было продиктовано не возникновением соответствующих технологий, а острой экономико-правовой необходимостью создания альтернативы действующим нестабильным государственным финансовым системам. Технические же возможности лишь позволили придать скорость и объемы распространения данной форме платежных инструментов, чем в конечном счете и опосредованно высокая популярность криптовалют, несмотря на все связанные с ее обращением риски.

Не вдаваясь в дискуссию по вопросу ограничения или разрешения включения в денежное

обращение криптовалют, стоит отметить, что профильные министерства и ведомства, а также финансовые регуляторы в целом негативно относятся к этому, поскольку криптовалюты как частные валюты порождают денежное многообразие и, с учетом их особенностей, создают существенную конкуренцию национальным валютам, имеют высокую волатильность и непрозрачность.

В целях противодействия данным негативным проявлениям в настоящее время обсуждается вопрос о целесообразности создания и введения в обращение цифровых валют центральных банков, которые позволят добросовестным участникам рынка нивелировать транзакционные издержки, имеющиеся в сфере безналичных расчетов, при этом обеспечив низкую волатильность, стабильность, универсальность и законность при осуществлении таких расчетов.

Комплексные исследования ЦВЦБ как самостоятельного института начали проводиться с 2010-х гг. в контексте создания эффективного противовеса набирающим популярность криптовалютам.

В 2015 г. в материалах представителей Банка Англии появился термин ЦВЦБ, а также отмечалось, что ряд стран ведет собственные разработки ЦВЦБ и рассматривает данную инновацию в качестве фундаментальной².

На текущий момент, вне зависимости от причин внедрения ЦВЦБ в свои национальные платежные системы, следующие блоки стран с различным уровнем развития экономико-финансовой сферы ведут у себя работу по развитию института ЦВЦБ:

1) развитые страны (Швеция и Норвегия), имеющие малые объемы оборота наличных денежных средств, для которых появление ЦВЦБ необходимо для повышения спроса на денежные средства непосредственно центрального банка, а не коммерческих кредитных организаций;

2) развитые и/или быстро развивающиеся страны (США, Китай, Япония, Россия, Южная Корея, страны Евросоюза), для которых появление ЦВЦБ обусловлено повышением уровня безопасности и эффективности национальных финансовых систем, а также необходимостью

¹ Отчёт FATF «Виртуальные валюты». URL: <http://www.fatf-gafi.org/>, (дата обращения: 24.04.2025).

² One Bank Research Agenda. One Bank Research Agenda Discussion Paper. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/research/one-bank-research-agenda---summary.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).

вывода национальных валют на уровень междунациональных расчетов;

3) страны с формирующимися рынками (Уругвай, ЮАР и др.), для которых появление ЦВЦБ необходимо для снижения уровня зависимости от доллара США и вывода денежного оборота из тени;

4) слаборазвитые государства (Багамские Острова, страны Карибского бассейна и др.), которым ЦВЦБ поможет обеспечить доступ их населения к финансовым услугам государства.

Также стоит отметить, что для ряда авторитарных стран (Китай, страны Ближнего Востока и Центральной Азии) появление ЦВЦБ объясняется необходимостью повышения качества финансового надзора за операциями физических и юридических лиц [6, с. 53].

Вместе с тем первопроходцем в сфере создания и внедрения именно ЦВЦБ принято считать Народный банк Китая (далее – НБК), который с 2014 г. осуществляет комплексную работу по внедрению цифровой валюты центрального банка в национальную финансовую систему и разработке соответствующего правового поля регулирования данного института.

Так, в 2017 г. на территории Китая открывается специальный институт по исследованию цифровых валют, идея открытия которого, согласно заявлению управляющего НБК Юй Ганга, заключается главным образом в развертывании масштабного процесса цифровизации имеющейся валютной массы, а не в проектировании какого-то нового типа валюты. Ключевой тезис заключается в том, что планируется не производить замену существующих инструментов безналичных платежей и расчетов, а лишь повысить их эффективность и расширить альтернативный функционал, в особенности при проведении банками взаиморасчетов между собой¹.

В этой связи к середине января 2022 г. в рамках данной инициативы в китайской финансовой системе было создано около 261 млн специальных цифровых кошельков для проведения расчетов с цифровыми юанями с общим оборотом денежных средств в размере около 470 млн юаней, с общей суммой транзакций в 87,5 млрд юаней (около 13,78 млрд долл.). Использование тестового цифрового юаня осуществлялось в сфере расчетов за услуги транспорта, питания,

ЖКХ, в торговых точках при осуществлении розничной торговли².

В свою очередь, с точки зрения финансового инструмента под цифровым юанем понимается цифровая форма национальной фиатной валюты, которая эмитируется НБК и находится под управлением специальных уполномоченных операторов.

Стоит отметить, что в китайской финансовой профессиональной среде также возникали попытки рассмотрения цифрового юаня в качестве современной реинкарнации наличных денежных средств, однако при более детальном изучении правовой и технической природы таких денег данный подход, по нашему мнению, представляется необоснованным³.

В качестве примера следует привести заявление Рабочей группы по исследованию и разработке цифрового юаня, в соответствии с которым под таковым понимается комплексный платежный инструмент, в котором используются технологии цифровой токенизации, квазисчетов и счетов учета, с правовой точки зрения являющегося законным средством платежа [4, с. 19].

В этой связи под цифровым юанем следует понимать новую форму денег центрального банка⁴.

При изучении практики КНР по введению в оборот цифрового юаня следует выделить ряд его признаков:

- выполнение всех функций денег (т. е. цифровой юань представляет собой обязательство НБК перед всеми его обладателями, обеспечен соответствующим кредитом, легитимен и имеет экономическую ценность)⁵;

- эмиссия осуществляется по двухуровневой системе с наличием централизованного контроля и управления, а именно, непосредственно правом выпуска обладает государство, НБК выступает как оператор платформы цифрового юаня, производит юани для специально уполномоченных организаций, являющихся коммерческими кредитными организациями,

² Speech by Mu Changchun at Atlantic Council-UC San Diego Conference on Digital Currency in China and the Asia Pacific. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_K3Y8VlhwU&t=7s (дата обращения: 22.04.2025).

³ Там же.

⁴ Speech by Governor Yi Gang at the 30th Anniversary Conference of the Bank of Finland Institute for Emerging Economics. URL: <https://www.bis.org/review/r211213f.pdf> (дата обращения: 22.04.2025).

⁵ Speech by Mu Changchun at Atlantic Council-UC San Diego Conference on Digital Currency in China and the Asia Pacific. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_K3Y8VlhwU&t=7s (дата обращения: 22.04.2025).

¹ What is China's digital currency plan? URL: <https://www.ft.com/content/e3f9c3c2-0aaf-11eabb52-34c8d9dc6d84> (дата обращения: 22.04.2025).

и одновременно осуществляет управление такими цифровыми юанями на всей цепочке их транзакционного цикла. В свою очередь, такие уполномоченные организации предоставляют физическим и юридическим лицам услуги по обращению таких цифровых юаней [5, с. 227];

– в перспективе планируется привести положение цифровых юаней в сфере розничных платежей к цифровой форме наличных денежных средств [Там же, с. 231].

Основными предпосылками внедрения ЦВЦБ в КНР выступают [8, с. 26]:

1) упрощение и расширение доступа населения к финансовой системе;

2) стимулирование конкуренции на рынке розничных платежей с частными платежными системами и обеспечение большей безопасности и эффективности платежей;

3) поддержание денежного суверенитета за счет выпуска национальной цифровой валюты с параллельным запретом в Китае всех типов операций с криптовалютами, стейблкоинами и цифровыми токенами;

4) развитие более гибкого инструментария денежно-кредитной политики и мониторинга теневого финансового потока;

5) повышение престижности юаня как универсальной валюты при проведении международных расчетов.

Таким образом, опыт Китая представляет значительный практический интерес при организации правового регулирования обращения цифрового рубля в финансовой системе Российской Федерации, поскольку китайский подход предполагает системное встраивание указанного финансового института как в правовое, так и в экономическое поле страны.

Теперь стоит обратиться к наиболее развитым концепциям правового регулирования ЦВЦБ в западных юрисдикциях.

Так, с 2019 г. наиболее активно в развитии указанного финансового института продвинулся центральный банк Швеции – Риксбанк. В рамках данного проекта была разработана специальная платформа, позволяющая пользоваться шведской ЦВЦБ как при помощи смартфонов, так и посредством более традиционных банковских карт.

Одновременно шведским регулятором был запущен процесс по изменению отдельных положений национального гражданского законодательства в части легального определения законного средства платежа.

В этой связи стоит обратить внимание на комментарий председателя Риксбанка, полагающего, что определение законного средства платежа должно быть строго нейтральным с технической точки зрения для того, чтобы более не приходилось запускать сложную юридическую процедуру внесения изменений в правовые нормы, тормозящую темпы развития платежной отрасли страны [12, с. 184].

В рамках разработки шведского регулятора интересной представляется позиция о выработке технически нейтрального правового определения законного платежного средства.

Действительно, в ходе исследования юридического содержания понятия «законное средство платежа» как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве можно обнаружить казуистичность толкования, что порождает правовую неопределенность. Научно-технический прогресс опосредует стремительное появление новых платежных инструментов, которые в силу тех или иных дополнительных признаков могут не подпадать под действующее финансово-правовое законодательство, однако успешно использоваться на рынке.

Совокупность данных обстоятельств дает возможность использовать подобную «неповоротливость» нормативного регулирования в противоправных целях, как это в настоящее время происходит с криптовалютами, правовой статус которых до сих пор нормативно не определен в отечественном цивилистическом законодательстве.

В связи с этим в рамках внесения изменений в связи с возможным введением цифрового рубля предлагается в первую очередь именно в гражданском законодательстве сформировать универсальное, технически «независимое» понятие законного средства платежа в контексте Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ¹.

В рамках Европейского союза также рассматривается возможность создания цифрового евро, которое будет являться цифровой валютой Европейского центрального банка (далее – ЕЦБ).

Согласно положениям доклада ЕЦБ, ключевыми предпосылками создания цифрового евро следует выделять²:

1) существенное повышение объема операций без открытия традиционных счетов в кредитных организациях;

¹ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Report on a Digital Euro. (2020). URL: <https://www.ecb.europa.eu/euro/html/digitaleuro-report.en.html> (дата обращения: 22.04.2025).

2) кратное снижение оборота наличных денежных средств в пределах Евросоюза;

3) развитие стейблкоинов в качестве альтернативного способа расчетов, хоть и менее волатильных, чем не привязанные к национальной валюте криптовалюты, однако имеющих риски обвалов и блокировок в частном порядке;

4) внедрение ЦВЦБ в практику регуляторов в иных развитых государствах.

Кроме этого, стоит обратить внимание, что цифровой евро – это единственная правовая концепция ЦВЦБ, которая предполагает создание специальной межгосударственной цифровой валюты, эмитируемой Центральным банком наднациональной организации (т. е. ЕЦБ). С учетом данных особенностей, данная валюта не будет являться частью национальных финансовых систем и, следовательно, предметом правового регулирования национального гражданского законодательства в валютной сфере.

В связи с этим отнесение цифрового евро к ЦВЦБ является, на наш взгляд, не корректным, поскольку ЕЦБ ни фактически, ни юридически не является центральным банком какого-либо государства, выполняя при этом роль регулятора в национальных финансовых системах стран – членов Евросоюза.

Далее следует проанализировать основные подходы к правовому регулированию ЦВЦБ ряда государств – членов ЕАЭС, а именно Белоруссии, Киргизии и Казахстане, поскольку преимущественно с этими странами у Банка России выстроены наиболее тесные связи в сфере проведения межбанковских расчетов, а также имеется значительное количество совместных финтех-проектов.

Так, в Белоруссии основной эффект от введения ЦВЦБ заключается в появлении бесшовного расчетного инструмента при осуществлении торговли между государствами – членами ЕАЭС.

Согласно определению, представленному в Концепции цифрового белорусского рубля, под таковым понимается национальная валюта, эмитируемая Национальным банком Республики Беларусь и фиксируемая в виде соответствующих записей в распределенном реестре платформы на специальных цифровых счетах субъектов – участников данной платформы¹.

Между тем анализ правовой и финансовой систем Белоруссии позволяет выделить ряд обстоятельств, которые потенциально могут выступать в качестве препятствия для проведения указанного реформирования, а именно:

1) ограниченные возможности децентрализованной платформы;

2) потенциальный отток ликвидности, к которому не готова большая часть торгово-сервисных организаций;

3) угрозы конфиденциальности персональных и финансовых данных, хранящихся хоть и в распределенном реестре, но управляемом одной централизованной платформой;

4) фактическую невозможность обеспечения бесперебойного функционирования офлайн-режима (невозможность замены наличных денежных средств).

С позиций гражданского законодательства Белоруссии цифровой белорусский рубль определен через категорию неовещественной формы денежных средств, фиксируемых на специальных цифровых счетах, открытых на платформе, а не в кредитных организациях.

При этом регулятором в Белоруссии рассматриваются возможности интеграции указанной платформы с аналогичными платформами других государств для проведения международных расчетов по типу межбанковских.

Далее, согласно концепции о ЦВЦБ в Киргизии, под цифровым сомом понимается дополнительная форма уже имеющихся типов национальных валют (наличные и деньги на счетах), при этом основной фокус регулятора направлен на мониторинг и отслеживание операций с бюджетом, что позволяет одновременно как снизить транзакционные издержки, так и повысить прозрачность перемещения денежной массы. Кроме этого, акцент также делается на возможности проведения расчетов по внешнеторговым сделкам посредством взаимодействия с аналогичными зарубежными сервисами ЦВЦБ, прежде всего, на территории СНГ².

В рамках проработки вопросов правового регулирования обращения цифрового сома отмечается необходимость дополнения гражданского законодательства в части установления определения термина «цифровой сом», а также легального разрешения на проведение расчетов с его использованием. Соответствующие разре-

¹ Концепция цифрового белорусского рубля. URL: https://www.nbrb.by/payment/digital_ruble/concept.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

² Концепция цифрового сома. URL: <https://www.nbkr.kg/printver.jsp?item=2685&lang=RUS&material=108460>. (дата обращения: 22.04.2025).

шительные нормы также планируется ввести в бюджетное и банковское законодательство.

Национальный банк Казахстана с 2021 г. также ведет активную работу по созданию собственной ЦВЦБ – цифрового тенге, включая разработку процессов эмиссии, переводов и использования при осуществлении сделок¹.

В качестве ключевых преимуществ введения в Казахстане ЦВЦБ выделяются следующие параметры:

- возможность токенизации права собственности;
- возможность проведения транзакций без подключения к интернету (как в случае с наличными денежными средствами);
- интеграционная универсальность.

В рамках презентации доклада White Paper 2023 по результатам первого этапа развития выделены следующие ключевые направления деятельности²:

1) совершенствование и расширение сфер использования ЦВЦБ, а именно: применение при осуществлении различных социальных и бюджетных платежей, операции по государственным контрактам, интеграция со стейблкоинами и DeFi с возможностью использования смарт-контрактов, а также использование при внешнеэкономической деятельности;

2) создание системной нормативной базы регулирования обращения цифрового тенге в финансовой системе Казахстана;

3) развитие технологий, связанных с защитой персональных данных и информационной безопасностью.

Как видно, ключевой особенностью развития ЦВЦБ в Казахстане является направленность к созданию некоего государственного аналога частных популярных криптовалют, позволяющего с юридической и финансовой точки зрения полностью интегрироваться в денежное обращение без рисков транзакционных издержек и привязки к работе сети Интернет.

Таким образом, в подходах государств – участников ЕАЭС прослеживается развитие интеграционных процессов, связанных с наличием общего экономического пространства, создаются правовые условия для комфортного и бесшовного взаимодействия как на уровне межгосударственных торговых отношений, так и в частном бизнесе. 

¹ Цифровой тенге / Национальный Банк Казахстана. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/page/Digital-Tenge>. (дата обращения: 22.04.2025).

² Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гирке О. Немецкое частное право (Deutsches Privatrecht). 1917. 640 с.
2. Губин Е. П., Лахно П. Г. Предпринимательское право Российской Федерации. М.: Норма, 2019. 990 с.
3. Дроздов О. А. К вопросу о сущности денег // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 5. С. 72–74.
4. Конопий А. С., Борисов Б. А. Правовая политика Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере цифровизации национальной валюты // Право и политика. 2021. № 7. С. 16–26.
5. Кочергин Д. А. Современные модели систем цифровых валют центральных банков // Вестник СПбГУ. Экономика. 2021. Т. 37, № 2. С. 205–240.
6. Кочергин Д. А. Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 1. С. 51–78.
7. Крашенинникова Н. А., Жидкова О. А. История государства и права зарубежных стран. М.: Норма, 2004. 659 с.
8. Ларина О. И., Акимов О. М. Цифровые деньги на современном этапе: ключевые риски и направления развития. // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24, № 4. С. 18–30.
9. Макконнелл К. Р., Брю С. Л., Флинн Ш. М. Экономикс: принципы, проблемы и политика. М.: ИНФА-М, 2018. 1028 с.
10. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФА-М, 1998. 476 с.
11. Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика. СПб.: Альфа-книга, 2018. 1328 с.
12. Ситник А. А. Цифровые валюты центральных банков // Вестник МГИУА. 2020. № 9. С. 180–186.
13. Сухарев А. Я., Крутских В. Е. Большой юридический словарь. М.: ИНФА-М, 2002. 858 с.
14. Хайек Ф. А. Частные деньги. Тверь: KOLONNA Publications, 2002. 286 с.
15. Янковский Р. М. Государство и криптовалюты: проблемы регулирования // Московский государственный университет. URL: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf> (дата обращения: 25.04.2025).
16. Bodin J. Six Books of Commonwealth (Les Six livres de la République). Alden Press, 1955. 278 p.

REFERENCES

1. Gierke O. *Nemetskoe chastnoe pravo* [Deutsches Privatrecht]. 1917, 640 p. (in Russian)
2. Gubin E.P., Lakhno P.G. *Predprinimatelskoe pravo Rossiiskoi Federatsii* [Entrepreneurial Law of the Russian Federation]. Moscow, Norma Publ., 2019, 990 p. (in Russian)
3. Drozdov O.A. K voprosu o sushchnosti deneg [On the Essence of Money]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2016, no. 5, pp. 72-74. (in Russian)
4. Konopii A.S., Borisov B.A. Pravovaya politika Rossiiskoi Federatsii i Kitaiskoi Narodnoi Respubliki v sfere tsifrovizatsii natsionalnoi valyuty [Legal Policy of the Russian Federation and the People's Republic of China in the Digitalization of National Currency]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2021, no. 7, pp. 16-26. (in Russian)
5. Kochergin D.A. Sovremennye modeli sistem tsifrovyykh valyut tsentralnykh bankov [Modern Models of Central Bank Digital Currency Systems]. *Vestnik SPbGU. Ekonomika* [St. Petersburg University Journal of Economic Studies], 2021, vol. 37, no. 2, pp. 205-240. (in Russian)
6. Kochergin D.A. Tsifrovye valyuty tsentralnykh bankov: opyt vnedreniya tsifrovogo yuany i razvitie kontseptsii tsifrovogo rublya [Central Bank Digital Currencies: The Digital Yuan Experience and the Development of the Digital Ruble Concept].

Russian Journal of Economics and Law, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 51-78. (in Russian)

7. Krashenninnikova N.A., Zhidkova O.A. *Istoriya gosudarstva i prava zarubezhnykh stran* [History of State and Law of Foreign Countries]. Moscow, Norma Publ., 2004, 659 p. (in Russian)

8. Larina O.I., Akimov O.M. Tsifrovye dengi na sovremennom etape: klyuchevye riski i napravleniya razvitiya [Digital Money at the Present Stage: Key Risks and Development Trends]. *Finansy: teoriya i praktika* [Finance: Theory and Practice], 2020, vol. 24, no. 4, pp. 18-30. (in Russian)

9. McConnell K.R., Bru S.L., Flynn Sh.M. *Ekonomiks: printsipy, problemy i politika* [Economics: Principles, Problems, and Policies]. Moscow, INFRA-M Publ., 2018, 1028 p. (in Russian)

10. Raizberg B.A., Lozovskii L.Sh., Starodubtseva E.B. *Sovremennyy ekonomicheskii slovar* [Modern Economic Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 1998, 476 p. (in Russian)

11. Samuelson P.E., Nordhaus V.D. *Ekonomika* [Economics]. Saint Petersburg, Alfa-book Publ., 2018, 1328 p. (in Russian)

12. Sitnik A.A. Tsifrovye valyuty tsentralnykh bankov [Central Bank Digital Currencies]. *Vestnik MGYuA* [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University], 2020, no. 9, pp. 180-186. (in Russian)

13. Sukharev A.Ya., Krutskikh V.E. *Bolshoi yuridicheskii slovar* [Big Law Dictionary]. Moscow, INFRA-M Publ., 2002, 858 p. (in Russian)

14. Hayek F.A. *Chastnye dengi* [Private Money]. Tver, KOLONNA Publ., 2002, 286 p. (in Russian)

15. Yankovskii R.M. Gosudarstvo i kriptovalyuty: problemy regulirovaniya [The State and Cryptocurrencies: Regulatory Issues]. *Moskovskii gosudarstvennyi universitet* [Moscow State University], 2017. Available at: <http://msu.edu.ru/papers/yankovskiy/blockchain.pdf> (accessed: 25.04.2025). (in Russian)

16. Bodin J. *Six Books of Commonwealth* (Les Six livres de la République). Alden Press, 1955, 278 p.

Статья поступила в редакцию 22.06.2025; одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 03.09.2025

Received on 22.06.2025; approved on 17.07.2025; accepted for publication on 03.09.2025

Михайлов Иван Николаевич – аспирант, юридический факультет, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Россия, 119571, г. Москва, пр. Вернадского, 82), РИНЦ Author ID: 1078875, ORCID: 0009-0004-6555-1388, e-mail: subaruwr98@gmail.com

Mikhailov Ivan Nikolaevich – Postgraduate, Faculty of Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadsky av., Moscow, 119571, Russian Federation), RSCI Author ID: 1078875, ORCID: 0009-0004-6555-1388, e-mail: subaruwr98@gmail.com